

Когда Чэнь Суйхуай сказал Цяо Цзину, что его железная каркасная кровать, которую он купил всего день назад и только-только собрал, сломалась, Цяо Цзин просто не мог в это поверить.

— Эта кровать стоила больше двухсот юаней! Я специально выбирал получше, не взял те за девяносто и сто пятьдесят именно потому, что она казалась прочнее, а железные трубы у неё толще. Как она вообще могла сломаться?

Когда Цяо Цзин начинал волноваться, его слова против воли неслись по кругу, словно заведённые. И хотя голос оставался всё таким же мягким, те, кто хорошо его знал, мгновенно улавливали перемену в его настроении.

Чэнь Суйхуай считал себя человеком, который знает о Цяо Цзине лучше всех на свете, поэтому сразу понял: Цяо Цзин по-настоящему встревожен.

Но в этот миг он вовсе не испытал простой радости — в конце концов, Чэнь Суйхуай и затеял всё это лишь для того, чтобы вывести Цяо Цзина из равновесия.

Неужели Цяо Цзин так переживает из-за того, что поступил слишком опрометчиво?

Подумаешь, кровать — сломалась так сломалась, в худшем случае можно снова потесниться и поспать вдвоём, о чём тут вообще думать. Выходит... неужели Цяо Цзин так тревожится просто потому, что не хочет быть к нему ближе?

При одной этой мысли Чэнь Суйхуай снова почувствовал глухое раздражение.

Вчера из-за такого же раздражения он толком не сомкнул глаз, но на сей раз Чэнь Суйхуай, вопреки своему обыкновению, не стал сваливать всю вину на голову Цяо Цзина, а вместо этого усомнился: быть может, с ним самим и впрямь что-то не так?

То, что Цяо Цзин его не любит, Чэнь Суйхуай понял ещё в прошлой жизни, причём довольно рано.

Пусть поначалу Цяо Цзин притворялся безупречно, не давая Чэнь Суйхуаю повода придаться хоть к чему-то, тот уже тогда был уверен: Цяо Цзин никоим образом не может испытывать к нему симпатии. Доброе отношение к нему сводилось лишь к тому, что в тот период Цяо Цзин считал Чэнь Суйхуаю безобидным, а его неуклюжий, но исполненный гордости вид казался таким жалким и несчастным, что благородный молодой господин великодушно одарил его капелькой своей жалости.

Что уж говорить о времени, когда вскрылась их истинная личина, жизнь Цяо Цзина перевернулась с ног на голову из-за появления Чэнь Суйхуаю, а все те блага богатого наследника, к которым он привык, в одночасье обратились в прах.

У Цяо Цзина не было права выбора, но на свете слишком много тех, у кого его нет; он уже обладал тем, чего многие не могут добиться и ценою всей жизни, а потому даже подобные мелкие неурядицы превращались в праздные, неизъяснимые никому жалобы.

В их отношениях, несомненно, лишь он один имел право ненавидеть Цяо Цзина.

А затем последовал бы едкий, полный язвительной желчи разгром со стороны профессора, чьё имя было у всех на слуху за привычку никогда и ни с кем не церемониться в выражениях.

Чэнь Суйхуай всегда считал это пустяком: окажись они на месте друг друга, он поступил бы с Цяо Цзином куда беспощаднее. Он даже думал, что Цяо Цзин и впрямь ни на что не годен, раз даже ненависть у него получается такой вялой и мягкотелой; у человека без внутренней опоры ничего не может получиться, и он неизбежно останется лишь игрушкой в руках тех, кого сам же презирает.

Ему оставалось лишь целиком принять эту чересчур тяжёлую критику.

Но теперь, когда Цяо Цзин воочию стоял перед ним, Чэнь Суйхуай вдруг почувствовал, что, пожалуй, не сможет смириться с ненавистью Цяо Цзина.

Цяо Цзин кивнул: он понимал логику происходящего и вовсе не собирался винить Чэнь Суйхуая — он просто считал, что ему в очередной раз не повезло. Впрочем, неудач на его век выпадало немало, и нехватка какой-нибудь детали при покупке в конце концов не была такой уж великой бедой, просто хлопот не оберёшься.

— Для товаров, штампуемых на конвейере, сбой — дело привычное, возможно, просто забыли положить винтик. Если бы вчера заметили вовремя, я бы сразу пошёл в магазин на замену, — с каменным лицом соврал Чэнь Суйхуай.

Поэтому первым делом по возвращении домой раньше времени Чэнь Суйхуай собственными руками выкрутил те самые винты, которые вчера сам же и затянул в каркас кровати Цяо Цзина.

Восхищение и благоговение, отразившиеся на лице Цяо Цзина, должны были — и были обязаны — идти из глубины сердца. Он всё отчётливее будет демонстрировать собственное превосходство, заставив Цяо Цзина в полной мере осознать пропасть между ними, а затем вывалит на него правду и незаметно положит на чашу весов Цяо Цзина последний соломенный стебелёк.

Цяо Цзин не умел готовить, звал его починить текущий кран, для сборки купленной кровати требовалось его присутствие, даже сумку толком донести не мог — стоило пройти пару шагов, как он жалобно смотрел на него в поисках помощи. Казалось, без Чэнь Суйхуая Цяо Цзин вообще лишён способности к самостоятельному выживанию в этом мире.

Но университетских предметов слишком много, система знаний сложна, и она никак не давала Цяо Цзину достаточного времени, чтобы всё уложилось в голове.

От лекции до усвоения материала Цяо Цзину требовалось некоторое время наедине с собой, но стоило ему разложить всё по полочкам с помощью собственной логики, как он уже не забывал услышанное. Именно поэтому во время учебы он казался таким неторопливым, однако с самого детства его успеваемость была далеко не худшей, и он смог поступить в один из лучших вузов страны.

Он лучше кого бы то ни было знал, что создан вовсе не из того теста, и яснее всех понимал, куда ему следует направиться, чтобы найти пространство для собственного сияния, но... неужели тот, кто не уважает специальность, — это он сам?

Как Цяо Цзин смеет идти наперекор проложенному для него маршруту?

Иначе почему Цяо Цзин уже несколько раз отвергал его предложения и даже не желал говорить с ним лишний раз? А вся эта его святость — пожалуй, лишь привычка многолетней маскировки, попытка сохранить за собой остатки бывшего достоинства.

Нынешний он несравним с тем, что был в прошлой жизни: он умеет абсолютно всё, во всём превосходит Цяо Цзина, и при этом его происхождение и тайные амбиции ещё не раскрыты — с какой стати Цяо Цзин воротит от него нос и почему он его не любит?

Хотя внешне он всё ещё опускал голову и молча сносил удары, после нескольких дней круглосуточной беготни Цяо Цзин и впрямь порядком устал. Профессор Цюй вечно считал, что мысли Цяо Цзина заняты вовсе не учебой, и уже не раз повторял, как сильно ненавидит подобных студентов, не уважающих свою специальность, выражая надежду, что они одумаются.

Но, с другой стороны, почему ему вечно так не везёт?

Изначально из-за такой мелочи Цяо Цзин не стал бы сильно забивать себе голову, но сегодня настроение у него и без того было испорчено. И не по какой-то особой причине — просто на лекции по экономике его снова спросили, а он не смог ответить.

Как бы он ни старался изобразить широту взглядов и безмятежность, в глубине души он всё равно переживал.

Он ни за что не позволит Цяо Цзину добиться своего.

Цяо Цзин записал эту беспомощность на счёт собственных неудач.

Глядя на то, как Цяо Цзин сидит на полу и молчит, Чэнь Суйхуай вдруг ощутил странную тоску

по его бесконечной болтовне: хоть порой она и утомляла, по крайней мере, от неё не возникало ощущения удушья, когда нечем вдохнуть.

— Тц, из-за одного винтика — и столько страданий?

— ...А, да ничего, — только тут Цяо Цзин вспомнил, что рядом кто-то есть. Он глубоко вздохнул, улыбнулся Чэнь Суйхуаю, а затем снова перевёл взгляд на деталь и произнёс: — Просто чувствую себя таким никчемным: дожил до стольких лет, а всё ещё не разбираюсь в маркировке винтов, даже обидно немного. Если я измеряю диаметр, смогу ли я сразу подобрать замену? Или лучше выкрутить ещё один и взять с собой в хозяйственный магазин?

Цяо Цзин изо всех сил старался не выпускать наружу негативные эмоции, но его было слишком легко читать. Заметив, как в тот момент, когда он повернул голову, Цяо Цзин отсутствующе уставился на пустое отверстие для винта, Чэнь Суйхуай понял: хотя Цяо Цзин и говорил без запинки, его мозг вовсе ни о чём не думал, а выдавал слова механически, словно программа.

Он расстраивался явно не из-за какого-то винтика.

Чэнь Суйхуай понаблюдав за Цяо Цзином ещё немного и лишь с трудом удержался от того, чтобы сорвать с него маску:

— Нужно учитывать и форму, и длину, и диаметр. На сайте заказать можно, но если совсем запутаешься, лучше выкрутить один и поехать в обычный хозяйственный магазин.

Цяо Цзин только теперь заметил, что Чэнь Суйхуай присел рядом с ним. Секунду помедлив и сообразив, что тот отвечает на его вопрос, он торопливо кивнул:

— Хорошо, я запомнил. Завтра выходной, пар нет, ходим с утра пораньше, я поищу.

— Не нужно, — Чэнь Суйхуай выудил из кармана винт, который он вытащил совсем недавно. — Я уже подобрал нужный.

Цяо Цзин опустил взгляд и ошеломленно уставился на винтик.

От того, как пристально Цяо Цзин вглядывался в него, Чэнь Суйхуай почувствовал лёгкое оцепенение и тут же пожалел о своём поступке:

— Если не нужен, забудь.

— Нужен, я просто... — Цяо Цзин торопливо забрал винт из ладони Чэнь Суйхуаи и, следуя этому движению, легко обнял его.

Он просто...

Температура стремительно падала, темнота наступала всё раньше, листья платана по обеим сторонам дороги давно перешагнули через тёплые рыжеватые оттенки, из зелёных превратившись в сухую, палёную желтизну, и фальшивое дневное тепло солнечных лучей с каждой удлиняющейся ночью неумолимо сменялось неизбывной, ничем не разбавленной тоской.

Именно в такой атмосфере он острее поддавался собственным настроениям, раздувая пустяковое дело до масштабов вселенской хандры, способной испортить настроение на несколько дней вперед.

Цяо Цзин знал, что это лишь естественная психологическая реакция под влиянием внешних факторов, с которой он уже сталкивался раньше и всегда справлялся быстро и успешно, не позволяя никому ничего заметить.

Но этот процесс переваривания всегда приходилось проходить в одиночку, и Цяо Цзин никогда не считал, что ему нужна чья-то помощь. Однако в то самое мгновение из темноты протянулась рука и грубо, прямолинейно зажгла для него свет.

Как же здорово иметь рядом друга: что бы ни случилось, крупное или мелкое, эту ношу уже не приходится тянуть в одиночку. Оказывается, делить всё с кем-то гораздо радостнее, чем он мог вообразить.

Подумав об этом, Цяо Цзин озвучил свои мысли вслух.

То, что изначально звучало бы излишне слащаво, в голосе Цяо Цзина превратилось в мягкий ветерок, от которого сердце против воли таяло.

Но в противовес этому тело Чэнь Суйхуая окаменело, превратившись в кусок вырезанного из корня дерева изваяния.

Когда Цяо Цзин прижался к нему, его поза была явно расслабленной, позволив Чэнь Суйхуаю во всех деталях ощутить его худощавое тело под мягкой хлопковой толстовкой.

Его прежние возражения против слов Чэнь Суйхуая о том, что он «физически слаб», нельзя было назвать полной ложью: у него просто был тонкий костяк, от природы «бумажная» фигура. К тому же он не увлекался силовыми тренировками, и без поддержки рельефных мышц его фигура под одеждой казалась чуть уже, но в действительности оставалась здоровой и ладной.

Следом за этим ощущением накатила наполняющая всё вокруг, обладающая мощнейшим присутствием успокаивающая и уютная нотка аромата Цяо Цзина.

Прижиматься друг к другу двум пышущим мужской энергией парням было невыносимо жарко — так жарко, что у Чэнь Суйхуая отчаянно зачастило сердцебиение.

Ему казалось, что Цяо Цзин пробыл в объятиях целую вечность, иначе как объяснить, что сквозь два слоя осенней одежды он уловил столько информации о Цяо Цзине?

Хотя на самом деле всё длилось всего пару секунд, потому что, едва обняв Чэнь Суйхуая, Цяо Цзин вспомнил, что тому, пожалуй, не нравится подобное проявление тактильности с его стороны.

Просто присутствие Чэнь Суйхуая казалось ему таким благом, что он не удержался и выразил эту благодарность на языке тела.

— Эм, прости, — виновато улыбнулся Цяо Цзин.

Чэнь Суйхуай, ещё не решивший, как именно оправдать то, что он не оттолкнул его в ту же секунду, был оглушен этим странным извинением:

— За что прости?

— Забыл, что ты не любишь, когда тебя трогают. Прости, впредь буду внимательнее.

Упрятав изумление вглубь глаз, Чэнь Суйхуай небрежно бросил:

— Не люблю, когда меня трогают?

По растерянному выражению лица Цяо Цзина Чэнь Суйхуай и без всяких ответов всё понял.

Никакого отвращения, никакого желания держаться на расстоянии — просто Цяо Цзин глуп и всё не так понял.

Хотя нет, не то чтобы совсем не так: ему и вправду не нравилось, когда Цяо Цзин к нему прикасался.

А все эти нелепые поступки Цяо Цзина были вызваны лишь его собственными односторонними и самонадеянными попытками позаботиться о нём.

Раз так, инициатива по-прежнему оставалась в его руках, и это было великолепно — Чэнь Суйхуай чувствовал себя более чем довольным.

Он плотно сжал губы, словно опасаясь, что иначе не сможет сдержать рвущуюся наружу

улыбку. Чэнь Суйхуай откашлялся и поднялся с пола.

Видя, что его лицо помрачнело, брови сошлись на переносице и вид у него крайне недовольный, Цяо Цзин уже собирался повторить, что впредь будет внимательнее и Чэнь Суйхуай может не беспокоиться, что он снова это повторит.

Но вместо этого услышал:

— Ты прав, но я же не на столько мелочен.

Цяо Цзин: — ...А?

Чэнь Суйхуай отвернулся, чтобы Цяо Цзин не видел его лица:

— Подумаешь, обнял. Стоит ли из-за этого разводить столько болтовни, какая девчонка, право слово.

И прежде чем Цяо Цзин успел вымолвить что-то, от чего у него окончательно рухнула бы маска невозмутимости, Чэнь Суйхуай подхватил со стола оставленный Цяо Цзином эскиз и с видом величайшего знатока принялся «изучать» его.

<http://bllate.org/book/22420/2354054>